

Анастасия Губайдуллина

ПРИНЦИП ДИАЛОГА В СТИХОТВОРЕНИЯХ МИХАИЛА ЯСНОВА ДЛЯ ДЕТЕЙ

Статья посвящена изучению стихотворений Михаила Давидовича Яснова, адресованных детям разного возраста: от младших дошкольников до старших школьников. Поэтическое творчество автора опирается на несколько ключевых принципов, в числе которых — сохранение гармонии детства, поддержка доверия ребёнка к миру. Одним из главных объединяющих начал его творчества стал поэтический диалог, проявленный на разных уровнях художественных текстов: от уровня персонажей и образной системы до уровня метатекстуальности и авторского сознания. Принцип диалога в данном случае понимается как преодоление единичной точки зрения, попытка выйти за пределы личного *Я* благодаря вниманию к *Другому*. Поэзия Яснова ориентирована на поиск сходств и различий между явлениями реальности, в ней представлены многие голоса, жизненные позиции. В статье поэтический диалог рассматривается с использованием мотивно-образного анализа. Принцип диалога, реализованный в системе образов и мотивов, имеет большой нравственный потенциал для детской поэзии: он способствует формированию у ребёнка эмпатии и развитию самопознания. С другой стороны, эстетическая ценность диалогизма обогащает тематический и образный строй лирики.

Ключевые слова: Михаил Давидович Яснов, русская поэзия для детей, поэтический диалог, метатекстуальность, интертекстуальность, анимализм, образ семьи.

Среди сотен поэтических сборников Михаила Давидовича Яснова (1946) для детей есть книги для самых маленьких («Распре-крас-но» [Яснов 2020b]), есть стихотворения для младших школьников («Праздник букваря» [Яснов 2016a]), для подростков

Анастасия Николаевна Губайдуллина

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург
gubgub@mail.ru

(«Собиратель сосулук» [Яснов 2014а]). Закономерно желание поэта «сложить свои стихи по возрастной лестнице: начать с самых малышей, с тетёшканья, с того, что когда-то называлось поэзией пестования, и незаметно, месяц за месяцем, год за годом „подниматься“ к школе». «Однако, — пишет он в книге „Путешествие в Чудетство“, — отдаю себе отчёт в том, что в идеале это вряд ли выполнимо: слишком зыбки психологические границы в дошкольном возрасте, слишком различны дети, слишком они ещё — и слава богу! — сопротивляются унификации» [Яснов 2014, 238].

Действительно, трудно расположить все книги стихотворений Михаила Яснова, начиная с первой, «Лекарство от зевоты» [Яснов 1979], согласно возрастной адресации. Тем не менее попытка систематизации осуществлена в сборнике «Полное собрание стихотворений для детей»¹ [Яснов 2016], где каждый объёмный раздел связан с определённым годом детской жизни: «От трёх до четырёх»; «От четырёх до пяти» — и далее. В книгу вошли практически все стихотворения из предыдущих сборников и новые тексты. Полное собрание стихотворений — совместный замысел издательства и автора: «Дом детской книги» предложил идею книги и оформление, а Михаил Яснов определил состав, объём книги, распределение стихотворений по возрастам.

Михаилу Давидовичу Яснову удалось создать единое, развёрнутое пространство поэзии, в которое входят не только стихотворения для разного возраста; авторские тексты и переводы; поэзия, опирающаяся на фольклорные традиции (скороговорки, считалки, колыбельные); прикладная поэзия (мнемонические тексты, поэтическая азбука); стихотворения-игры, требующие интерактива. С одной стороны, многообразие форм и жанров осложняет анализ поэтического корпуса: каждый тип текстов требует внимания к своим особенностям. С другой стороны, в многообразии более объёмно проявлена авторская индивидуальность, которая пока недостаточно исследована.

На сайтах детских журналов, на литературных порталах можно найти интервью с Михаилом Ясновым и биографические сведения о нём [Яснов 2016b; Яснов 2020c; Яснов 2020]. Однако филологические работы, посвящённые анализу его стихотворений для детей, пока немногочисленны. Обратим внимание на те исследования, которые формируют контекст данной статьи. Н. В. Барковская на примере одной подборки стихотворений М. Яснова, опубликованной в журнале «Урал», рассматривает константные образы стихотворений, в том числе образ семьи, внимание к ближайшему окружению

Рис. 1. М. Д. Яснов Полное собрание стихотворений для детей, 2016. Обложка

ребёнка, множество «живых существ» в поэзии [Барковская 2017, 87]. О важности семейных взаимоотношений в поэзии М. Яснова говорит и М. А. Денисова, упоминая его в ряду других современных детских поэтов.

Несколько статей посвящены игровой поэтике творчества М. Яснова. Е. Ю. Ускова включает М. Яснова в число современных авторов, тяготеющих к игровой, авангардистской эстетике [Ускова 2018, 65]. Т. А. Гридина исследует ассоциативные проекции игрового слова, подробно разбирая такие лингвистические приёмы игры, как омофоническую и паронимическую рифмы, использование аллитерации и ассонансов, поэтические окказионализмы, грамматические нарушения. Для нас важно, что исследователь отмечает принцип диалога, реализующийся на уровне игровых словоформ [Гридина 2018, 194].

Цель нашей статьи — определить в первом приближении особенности авторского творческого метода Михаила Яснова. На наш взгляд, один из ключевых принципов его поэзии для детей — это установка на диалог. Этот принцип проявлен на разных уровнях текстов (тематическом, образном, метатекстуальном) и помогает автору решать эстетические и воспитательные задачи.

Говоря о диалоге, в современном литературоведении чаще подразумевают не речевую или структурную форму произведения, а особенность эстетического мировоззрения автора. Понятия «диалогизма», «диалогичности» вошли в научную парадигму благодаря работам М. М. Бахтина, полагавшего, что «эстетическое событие может совершиться лишь при двух участниках, предполагает два несовпадающих сознания» [Бахтин 1986, 24]. М. Бахтин описывает созерцание автором *Другого*, вживание в чужую экзистенцию и последующее художественное оформление, завершение как принципиально важные этапы эстетической деятельности [Бахтин 1986, 27] (в данном случае не важен род и жанр литературы, речь не идёт конкретно об эпическом тексте, о драме или о лирике; скорее, о стратегии авторского сознания). Философскую концепцию М. Бахтина о диалогизме применяли в исследованиях русской поэзии многие учёные. Так, С. Н. Бройтман, рассматривая неклассический этап русской поэзии (конец XIX–XX вв.), доказал, что отечественная поэзия последних столетий запечатлевала взаимодействующие сознания: значительно выросла доля и значение тех поэтических высказываний, при которых *Я* смотрит на себя со стороны, как на *Другого* [Бройтман 1997, 216]. В последнее десятилетие исследователи обращались к проблеме диалогизма в поэзии разных авторов: от А. Кантемира и М. В. Ломоносова [Бердникова 2012] до А. А. Вознесенского и Р. И. Рождественского [Колокольцева 2019]. Тем не менее проблема диалогизма по-прежнему остаётся спорной и неоднозначной. Мы понимаем принцип диалога в поэзии Михаила Давидовича Яснова для детей как некую первичную эстетическую открытость авторского сознания, как установку на коммуникацию, как внутритекстовую (столкновение или приращение разных точек зрения в одном тексте, либо со-/противопоставление поэтических образов), так и внетекстовую (обращенность к читателю или коммуникацию с другими культурными текстами). Поэтому в статье мы будем рассматривать не напрямую диалогизм в философско-эстетической объёмности, а его конкретное воплощение в системе образов и мотивов поэзии для детей.

При анализе мотивов детской поэзии Михаила Яснова в качестве теоретической базы мы будем использовать работы Б. В. Томашевского [Томашевский 1925], А. Н. Веселовского [Веселовский 1940], И. В. Силантьева [Силантьев 1999]. В статье мотив рассматривается как «простейшая единица» [Веселовский 1940, 508] литературного текста, которая характеризуется семантической целостностью и воспроизводимостью в творчестве одного автора.

Подчеркнём значимость образной природы мотива. А. Веселовский считает, что мотив следует рассматривать как «единицу, образно ответившую на разные запросы первобытного ума или бытового наблюдения» [Веселовский 1940, 500]. Мотив обладает способностью к видоизменению; разные варианты мотива, взаимодействуя в границах единого инварианта, привносят добавочные оттенки значения. В то время как инвариант обобщает семантическую структуру мотива, варианты реализуются в виде определённых поэтических образов и сюжетов.

«А я? Человечкин!» Образ семьи в контексте поэтического многоголосия

В книге «Путешествие в Чужество» М. Яснов называет главными чертами детской поэзии «семейное тепло, внимание взрослых и решающую поддержку ребёнка в его мире» [Яснов 2014, 10]. Автор представляет эту характеристику как «развёрнутую метафору» детской поэзии, и в его творчестве эта метафора воплощается на образном и мотивном уровнях текста. Не случайно в стихотворениях для маленьких (детей 3–4 лет) устойчивым мотивом является мотив семьи. Образный мир стихотворений Яснова для дошкольников можно условно представить как систему расходящихся кругов. В центре находится Я ребёнка, его формирующееся самосознание — стихотворения в большинстве случаев написаны от первого лица («У меня есть всё!», «Мой тигрёнок», «Я иду по камушкам»). Ближний к ребёнку круг — это его родители, брат или сестра. Более широкий круг представляет расширенная семья, включающая бабушку, дедушку. Ещё более широкий внешний круг захватывает не только всех домочадцев, но и питомцев, которых дети видят в квартире или в деревенском доме: котят, собак, лошадку, овец. Придерживаясь метафоры расходящихся кругов, можно продолжать разговор о постепенном открытии мира ребёнком, о знакомстве с игрушками, бытовыми предметами и далее.

Важна цель обращения к художественным образам: они не только расширяют кругозор маленького читателя и воспитывают чувство доброты, внимания к ближнему, но и помогают развитию индивидуальности. Одна из основ поэзии Яснова — формирование Я во взаимодействии Я — Другой: «Есть у кровати — спинка, / А у чайника — носик, / А у тумбочки — ножки, / А у кастрюли — ручки. / А в этой большой кастрюле / Есть очень вкусный компот. / А у меня — / И ножки, / И ручки, / И носик, / И спинка, / И вот ещё что:

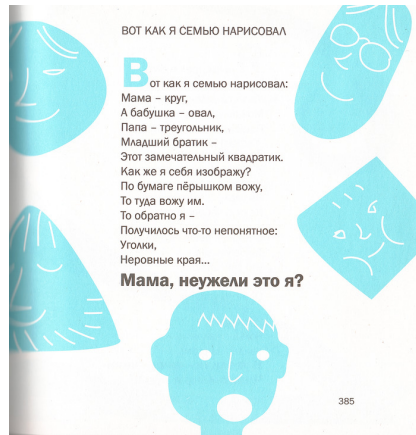

Рис. 2. Яснов М. Д. «Вот как я семью нарисовал» из «Полного собрания...», 2016

/ Очень / голодный живот!» («У меня есть всё» (С. 38)). Ребёнок не просто анализирует, называет части предметов, он сравнивает себя с объектами реальности (под объектом в данном случае понимается любое явление действительности, доступное восприятию и имеющее собственные границы, в том числе и антропоморфное) и конструирует собственный образ. Сборники стихотворений для младших дошкольников имеют собирательную интонацию, это накопление представлений о мире и о себе. На уровне образной системы, с одной стороны, происходит обособление маленького человека от близких, то, о котором Яснов говорит в книге «Путешествие в Чудетство»: «И всё-таки есть нечто, что их, трёхлеток, объединяет. Назовём это весёлым возгласом „Я сам“» [Яснов 2014, 238]. С другой стороны, личность ребёнка пока не отделена полностью, контакты малыша с внешним миром опосредованы окружающими взрослыми, поэтому наравне с *Я* в текстах присутствует *Мы* («Мы с дедушкой», «Мы с мылом», «Как мы считаем»). В стихотворениях Михаила Яснова большое значение имеет мотив совместного действия: «Сначала я обсупился, / А дедушка — / Насупился. / Потом я обтворожился, / А дедушка — / Встревожился. / А после я обчаялся, / А дедушка — / Отчаялся... / Тут мы под кран наведались / И с тряпкою набегались. / На самом деле, здорово / Мы с дедом / Наобедались!» («Мы с дедушкой» (С. 39)). Паронимичность

рифменных пар с использованием неологизмов помогает подчеркнуть сюжетное сходство параллельных действий (обсупился — насупился; обчаялся — отчаялся). Их сродство приводит к итоговому финальному согласию героев, когда два *Я* соединяются в *Мы*. В качестве противоположного примера (примера рассогласованности) можно привести стихотворение «Хватит!», размещённое в «Полном собрании стихотворений» на следующей странице после «Мы с дедушкой»: «Хватит, дедушка, читать — / Я хочу с тобой кричать! // Хватит, дедушка, писать — / Я хочу с тобой плясать! // Хватит, дедушка, смотреть — / Я хочу с тобой свистеть! // Всё читаешь, / Смотришь, / Пишешь... / Ты меня понятно слышишь?» (С.40).

В двух стихотворениях выстраиваются отношения между дедом и внуком. Но если в первом случае взаимное внимание помогает преодолеть бытовые трудности и объединиться, то во втором тексте герои остаются порознь. Характерно противопоставление действий деда и внука в стихотворении «Хватит»: занятия дедушки рациональны, интеллектуальны (читать, писать) и пока недоступны ребёнку; занятия внука импульсивны, внерациональны (кричать, плясать, свистеть). Образ ребёнка воплощает стихийность, эмоциональность. Экспрессия самых сильных, «рамочных» (Ю. М. Лотман) позиций текста — заглавия и последней строки — подчёркивает эмоциональный накал, переживания ребёнка, нуждающегося в связи с другим. Чем больше близких, тем больше жизненных моделей, тем объёмнее опыт. Соответственно, полнота семьи обеспечивает ребёнку полноту существования. В этой связи ключевым для понимания является стихотворение «Просто чудо», финал которого собирает разных членов семьи в восприятии ребёнка в единое «чудо» семьи: «Вот какая / Дорогая / У меня теперь семья: / Просто чудо, а не мама! / Просто чудо, а не папа! / Просто чудо, а не братик! / Просто чудо, а не я!» (С. 45). Девочка, главная героиня, на протяжении всего стихотворения остаётся на периферии сюжета, но в конце текста оказывается в центре, осознаёт себя как чудо, благодаря любви, поддержке в семье и осознанию уникальности каждого члена семьи, в том числе и собственной.

«Жить и лаять — стоит!» Мотив диалога в сборниках и циклах о животных

Малышу необходимо существовать в постоянном диалоге, в контакте, пусть даже бессловесном, в балансе *Я — Мы*: «Так отлично погуляв, / Слышу милое „гав-гав“! / Это папа во дворе! /

Это мама в конуре!» («Царапка на носу» (С.110)). Присутствие значимого взрослого обеспечивает ощущение безопасности, ведь детство, по М. Яснову, — это время защищённости, доверия миру: «Проскакали всадники / На коленях папиных. / <...> / И не страшно всадникам — / Никого! / Ни капельки!» («Всадники» (С. 28)). Поэтому наиболее напряжённая сюжетная ситуация складывается тогда, когда диалог прерывается, когда ребёнок ощущает чувство одиночества, оставленности: «Не приходит папа — / И пускай! / Папа только буркнет: / „Засыпай!“» («Не приходит мама...» (С. 56)). К счастью для детского поэтического космоса Михаила Яснова, базовое доверие ребёнка никогда не остаётся обманутым. Потребность в заботе удовлетворяется, даже если не могут прийти родители: ребёнок живёт в антропоморфном пространстве и чувствует поддержку со стороны мира в целом. С ним дружат игрушки: «Эй, медведик, / Стоит ли грустить? // Мы с тобой большие, / Так и знай: / Стыдно засыпать / Под „баю-бай“!» («Не приходит мама...»); он наделяет душой вещи: «Нас двое, / Голеньких, / В ванной, / От пара / Уже туманной. / Я пальцем потру / Картинку — / А мыло / Потрёт мне спинку. / Потом / Я пойду в кровать, / А мыло — в мыльницу: / Спать» («Мы с мылом» (С. 41)). В поэзии Яснова антропоморфизм является детским способом преодоления одиночества. Возвращаясь к идее диалога, обратим внимание, как часто в его стихотворениях для дошкольников присутствует обращение к *Другому*. Речь идёт не только о людях, но об игрушках и о животных: «Ты видел запруду бобровую?» («Лягушонок» (С. 9)); «С вами общаться / На редкость приятно!» («Вдвоём» (С. 128)); «Мы за блинами, / А вы — за нами!» («Скороговорка за ужином» (С. 191)); «А можно / У вас на руках посидеть?» («Хомячок» (С. 10)); «Интересно вам со мной?» («Пони» (С. 11)) — ряд легко продолжить. Конечно, призывы и вопросы — это обращение к читателю, способ персонализации текста. Но это ещё и отражение художественной онтологии, в которой все участники взаимосвязаны и настроены друг на друга.

Диалогизм в поэзии позволяют увидеть анималистические образы². Книги «Щенячья азбука» [Яснов 2011a], «Здравствуйте, хвостаствуйте!» [Яснов 2011], «Песни кошачьих лап» [Яснов 2020a] вписываются в анималистическую традицию детской литературы и существенно обогащают её. Проанализируем раздел «Здравствуйте, хвостаствуйте!» из «Полного собрания...». Главной особенностью авторского взгляда является сочетание внимательности к тем специфическим чувствам, которые испытывают животные: радость от встречи с хозяином («Хозяин вернулся!» (С. 127)); страсть к по-

Рис. 3. Яснов М. Д. Раздел «От четырёх до пяти» из «Полного собрания...», 2016

знанию микромира («Вдвоём» (С. 128)); важность вкусовых, обонятельных ощущений («Твоё — не твоё» (С. 130)), «Зимний романс» (С. 134)) — с уважением к характеру животного, с ненадуманным гуманизмом. Яснов не только пишет отдельные стихотворения о собаках, он создаёт полный, объёмный мир, круг «собаконаселения» («Жить — и лаять» (С. 147)). Из нескольких десятков стихотворений складывается собирательный образ пса. Этот пёс проживает все этапы жизни, от детства: «Щенок прогуляется в сумке на маме» («Если на улице дождь» (С. 102)), «Постриженный Бублик / Похож на мальчишку...» («Бублик» (С. 126)) — до зрелости «Шёл на выставку боксёр / С пятнышком на лапе» («Два боксёра» (С. 114)) и старости «Наш дедушка-таксик / Тринадцатилетний...» («Непо-слушный дедушка» (С. 125)).

Некоторые стихотворения имеют композицию, основанную на параллелизме («Уши и колготки» (С.105)), «Два боксёра»), или пару взаимно отражающихся образов: «Давай с тобой, собака, / Немного погуляем — / Поговорим с соседом, / С соседкою полаем. / Но только, чур, не путать: / Давай, для простоты, / Я буду разговари-вать, / А лаять будешь ты!» («Перед прогулкой» (С. 132)). Шутливое указание на возможность «перепутать», кто говорит, а кто лает, имеет серьёзную внутреннюю интенцию к признанию самостоятельности как хозяина, так и питомца. Каждый из героев равно нуждается в приятельском окружении, у каждого из есть своя цель,

и они признают *личность* друг друга. Заметим, какими характеристиками наделяется собирательный образ собаки в поэтическом цикле «Здравствуйте, хвостаствуйте!»: «незнакомец дорогой», «путешественник всклокоченный», «гражданки», «герой», «носитель языка». Всё это — вполне *человеческие* обозначения, свидетельствующие о том, что у четвероногого спутника есть круг интересов, род занятий, социальный статус... Поэтому стихотворения о собаках помогают сформулировать жизненные принципы и максимы, которые актуальны и для людей: «Как радостно видеть, / Что вновь тебе рады!» («Радость» (С. 113)), «Хоть дворняжка беспородна, / Но зато она свободна!» («Жить — и лаять» (С.147)).

Таким образом, циклы стихотворений о животных апеллируют к читательскому сочувствию, сопереживанию. Они органично вписываются в общую идею многоголосия, которой следует детская лирика Михаила Давидовича Яснова. Многоуровневый природный мир громко обращается к ребёнку наравне с миром социальным. Поэтому автор отдаёт предпочтение не описательной персонажной лирике, а лирическому *Я*, прямому высказыванию героя стихотворения. Право на реплику, на рассказ о себе получают не только кошки и собаки, но и воробьи, мальки, утки, цыплята... Яснов старается редуцировать роль автора как посредника, предоставив читателю-ребёнку и лирическому герою текста возможность прямого разговора. Близкий поэтический контакт усиливает детское восприятие от встречи с *Другим*. Михаилу Яснову удаётся сохранить баланс между антропоцентрической точкой зрения — животный космос опосредован нашими представлениями о нём, поэтому мы за него отвечаем — и ненавязчивым дидактизмом, который базируется на признании уникальной экзистенции каждого живого существа.

«Я встретил Диму Быкова!» Метатекстуальность и поэтический диалог

Образы животных проявляют разного типа метатекстуальность поэзии Яснова. В цикле «Здравствуйте, хвостаствуйте!» есть примеры автобиографизма: пёс Берримор из текста «На выход „Щенячьей азбуки“» (С. 145) радуется появлению книги о нём: речь идёт именно о «Щенячьей азбуке», изданной в 2011 г. Уникальность «Щенячьей азбуки» в том, что каждое двустипшие азбуки написано с точки зрения таксы Берримора. Дело не только в повествовании от первого лица, но и в речевых особенностях: в частности,

использовании звукоподражаний или команд, которые слышит собака от хозяина: «Фу!», «Фас!». Нейтральная лексика, помещённая в контекст «Щенячьей азбуки», *остраняется* (приём, способствующий преодолению автоматизму восприятия [Шкловский 1929, 21]), например: «Еда! Еда! Еда! Еда! Я так люблю её» («Е-Ё. Песенка про еду» (С. 137)). Многократное повторение слова «еда», одновременно с использованием парцелляции и восклицания, в данном контексте передают интонацию лая собаки.

Лирическое *Я*, отличное от авторского, поддерживается не только на уровне поэтики, но и на тематическом уровне, а также на уровне образной системы (герметичный кругозор персонажа, в который включены еда, игра, обстановка квартиры, прогулка; при этом образы именуется так, как их воспринимала бы собака, см. миниатюру «К. Кровать» (С. 139)). В нескольких двустихиях жизненные принципы героя существенно отличаются от установок умозрительного хозяина: «Ура! Я проснулся! Без четверти пять!.. / Ну сколько же можно хозяевам спать?» («У. Утро» (С. 141)). То есть поэтика «Щенячьей азбуки» не сводится к басенной аллегоричности, к тому, что Л. С. Выготский называет «употреблением зверей» [Выготский 1986, 111], парадигме, в которой человек являет собой обобщённый смысл образа, а животное воплощает конкретное качество человека. Интерес детского поэта — именно к специфическому животному поведению и ощущениям, альтернативным привычному человеческому. Это попытка проникнуть в непостижимую иную жизнь, и стремление, повторимся, к обогащению многообразной палитры представлений о мире.

В то же время стихотворения о животных дают возможность исследовать интертекстуальность ясновского творчества. Как переводчик, литературный критик и исследователь поэзии для детей, Михаил Давидович Яснов постоянно существует не только в индивидуальном поэтическом пространстве, но в общем поле литературы для детей. Он публикует статьи о развитии детской поэзии [Яснов 2004], пишет обзоры творчества предшественников и современников [Яснов 2014, 91]. Глубокое проникновение в историю и теорию поэзии позволяет Михаилу Яснову преодолеть узкую монологичность индивидуального стиля. Его детские стихи наполнены аллюзиями, скрытыми и прямыми цитатами, отсылками к классикам и современникам.

В цикле «Здравствуйте, хвостаствуйте!» находим переключки с книгой Вадима Александровича Левина «Глупая лошадь». Наиболее очевидная преемственность обнаруживается в отношениях

миниатюр М. Яснова «Встреча по-английски» (С. 106) и «Истории загадочной и не слишком длинной» [Левин 2015, 12] В. Левина о мистере Крякли и мистере Квакли. Оба стихотворения выдерживают настроение английской баллады, свидетельствующей об исключительном, в некотором смысле, трагическом, событии, причины и обстоятельства которого даются лишь намёком. И в том, и в другом стихотворении есть мотив окончательности, невосполнимости утраты: «Мистер Крякли, эсквайр, / Погулял за сараем. / И с тех пор мистер Квакли пропал» (В. Левин) — «Эту встречу навек запомнили / Сэр Бесхвостли / И мистер Хромнили» (М. Яснов). Ассоциации с английской поэзией закономерны, персонажам присваиваются британские титулы, формы обращения (у В. Левина: мистер, эсквайр; у М. Яснова: сэр, мистер). Имена персонажей не только имитируют модель английской ономастики, но и семиотизируют речевой и портретный образ животного. Благодаря отсылке к поэтическому претексту, «Встреча по-английски» обретает большую глубину, смысловую объёмность. Начитанный читатель при встрече с текстом вспоминает тот пласт лирики, который послужил литературной основой для нового произведения. Так складывается системное восприятие детской литературы.

Безусловно, интертекстуальные элементы встречаются не только в анималистической поэзии. В стихотворении для более старших читателей «Сказка про доктора Левина» (С. 205) появляется образ самого поэта — Вадима Левина. В череде портретов книги «Чудетство» Михаил Яснов представляет поэта Вадима Левина как «оптимиста» [Яснов 2014, 195]. Оптимистическую позицию по отношению к миру выражает и герой «Сказки про доктора Левина»: «Хватит охать и хворать, / Будем вместе загорать!» [206]. Образ доктора, вылечившего небо, намекает на помогающую профессию Вадима Левина — психолог — а образ дождя актуализирует в сознании читателя «дождливые» стихотворения Левина, такие как «Маленькая история о большом дожде» [Левин 2015, 64].

Если предпринять попытку классификации типов интертекстуальных сообщений в детской поэзии Михаила Яснова, то можно выделить, как минимум, три формы:

- а) дружеское послание, в котором упоминаются не строки претекстов, а имена поэтов близкого автору круга;
- б) прямая отсылка к тексту конкретного автора, приглашение вспомнить строки известного стихотворения;

- в) цитата или аллюзия без называния авторства, требующая дешифровки, культурной эрудиции.

Приведём по одному примеру каждого типа.

Интересный вариант дружеского послания находим в стихотворении «Старшая группа»: «— Я встретил Диму Быкова! /— А ты кого? /— А вы кого? /— А мы Марину Москвину! /— А мы — Кружкова Гришу! — А мы увидели весну — Она пришла / на крышу!» (С. 46). Упомянутые авторы: Григорий Михайлович Кружков (р. 1945), Марина Львовна Москвина (р. 1954), Дмитрий Львович Быков (р. 1967) — широко известны. Название «Старшая группа», с одной стороны, оставляет читателя в образном поле детской поэзии (старшая группа детского сада), но при этом говорит и о принадлежности людей к одному кругу, к старшему поколению, свидетельствует о духовной близости. Душевное и интеллектуальное родство в стихотворении поддерживается мотивом совместного действия: «*Вся наша группа вверх глядит*». Обращённость вверх — это стремление к высокой литературе, к культуре, которая традиционно связывается с пространственным верхом. В этой связи последняя фраза «*Мы доросли / до солнца!*» прочитывается полисемантически: радость от ещё одной совместно встреченной весны; наступление новой культурной «оттепели»; достижение поэтического признания и т. д. Так или иначе, стихотворение с восклицательной интонацией (десять восклицательных знаков на два десятка строк), на наш взгляд, имеет двойную адресацию (детскую и взрослую; персонализированную и общую) и предлагает читателю разделить радость от существования поэзии, творчества.

Прямая отсылка к претексту присутствует в стихотворении «Осенняя сказка», которое заканчивается строками «Спит, как в сказке Маршака, — / Тихо, тихо, тихо...» (С. 225). Речь идёт о «Тихой сказке» С. Я. Маршака [Маршак 1958], которая имеет кольцевое обрамление, начинаясь и заканчиваясь мотивом тихого чтения: «Эту сказку ты прочтёшь / Тихо, тихо, тихо...». Михаил Яснов *подхватывает* мотив тишины, а один из героев «Тихой сказки» — маленький ёжик — становится в новом тексте самостоятельным, взрослым. Через «Осеннюю сказку» лейтмотивом проходит тема старости, она подкреплена рядом образов: «седой ельник на опушке», «облетевшая роща», «ослепший крот», «оглохший глухарь», «червячки — старички» — наконец, прямой сентенцией «*Стало старым всё кругом...*» (С. 224). Опираясь на хронопические координаты маршаковской сказки, поддерживаемая ритмом

претекста, сказка Яснова становится развитием сказки Маршака. Между двумя текстами выстраиваются отношения литературного следования. «Осенняя сказка» обращена к читателю, который уже знает предыдущую сказку. Это — возможность встретиться с одним из любимых, знакомых героев и узнать больше о нём, об обстановке, которая его окружает.

Более игровыми кажутся «закодированные» цитаты. Они ставят перед читателем серьёзные задачи: не только определить оригинал, но и восстановить в сознании строки классического текста, чтобы стихотворения вступили в диалог между собой: «Это что ползёт такое, / Незнакомое? / Здравствуй, племя молодое, / Насекомое! // — Я не племя! — / Отвечала эта крошка. — / Я — одна! / Меня зовут Сороконожка!» («Это что ползёт такое?» (С. 261)). Строки стихотворения А. С. Пушкина «Вновь я посетил...» (1835): «Здравствуй, племя / Младое, знакомое!» [Пушкин 1977, 313] — хорошо известны родителям и ориентированы *на вырост*: их узнают старшие школьники, если перечитают детское стихотворение. Для малышей же вероятна обратная последовательность: через детскую поэзию они приобщаются к строкам классика ещё до прочтения пушкинской лирики. В пушкинском стихотворении—размышлении «Вновь я посетил» исследователи, в свою очередь, обнаруживают переключки с поэзией английских романтиков [Горбунов 2011]. Таким образом, короткое детское стихотворение становится частью большой мировой поэзии.

На сей раз диалог происходит на уровне авторского сознания, в него вступают поэтические строки и целые произведения. В понимании отдельных стихотворений, монологов, казалось бы, независимых персонажей как реплик «большого диалога» [Бахтин 1975, 296] Михаил Яснов следует позиции поэтов-«шестидесятников». Для них каждый голос служил частью общего хора; важными были понятия дружества, поэтического братства, традиции. Рождённое стихотворение воспринималось и воспринимается не только как самостоятельная единица, но как отклик на многие предыдущие художественные высказывания и предпосылка, основа следующих текстов.

Итак, диалог в поэзии Михаила Яснова представляет собой не только прямое общение автора с читателем или взаимодействие двух персонажей. Это фундаментальный метод авторского конструирования художественной реальности. Принцип диалога проявлен в поэтике благодаря наличию разных субъектов сознания, выраженных местоимениями первого лица, а также — интертекстуаль-

ной открытости текстов. Выстраивается не только *горизонтальный* диалог (между собственными поэтическими текстами Яснова), но и *вертикальный*: между предшественниками и последователями в едином пространстве поэзии. Диалогизм обеспечивает отклик на каждую реплику, тем самым поддерживая состояние гармонии, защищённости детства.

Примечания

- ¹ Далее страницы по данному источнику указываются в основном тексте в круглых скобках после цитаты.
- ² В данной работе мы руководствуемся общим определением анимализма как художественного изображения животных, птиц, растений под углом зрения человеческого мироощущения, наделения их человеческим характером.

Литература

Источники

- Левин 2015* — Левин В. А. Глупая лошадь. М.: Октопус, 2015.
- Маршак 1958* — Маршак С. Тихая сказка. М.: Детгиз, 1958.
- Пушкин 1977* — Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в десяти томах. Том III / Под ред. Б. В. Томашевского. Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1977.
- Яснов 1979* — Яснов М. Д. Лекарство от зевоты. М.: Детская литература, 1979.
- Яснов 2004* — Яснов М. Д. От Робина-Бобина до малыша Русселя // Дружба народов. 2004. № 12. С. 190–200.
- Яснов 2011* — Яснов М. Д. Здравствуйте, хвостаствуйте! М.: Самокат, 2011.
- Яснов 2011a* — Яснов М. Д. Щенячья азбука. М.: Азбука, 2011.
- Яснов 2014* — Яснов М. Д. Путешествие в Чудетство. Книга о детях, детской поэзии и детских поэтах. СПб.: Союз писателей СПб, Фонд «Дом детской книги», 2014.
- Яснов 2014a* — Яснов М. Д. Собиратель сосулук. М.: Самокат, 2014.
- Яснов 2016* — Яснов М. Д. Полное собрание стихотворений для детей. СПб.: Детское время, 2016.
- Яснов 2016a* — Яснов М. Д. Праздник букваря. М.: ЭНАС-КНИГА, 2016.
- Яснов 2016b* — Жизнь прекрасна — это ясно? Поэт Михаил Яснов: Детская литература нужна не только детям / беседовал Д. Шеваров // Российская газета. № 6873. 2016. 14 янв. URL: <https://rg.ru/2016/01/14/yasnov.html>

Яснов 2020 — Яснов М. Д. Михаил Яснов: Наша школа — интервью с Ксенией Молдавской: [видео] // Рабочий полдник. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Oplnv-wJlVw>

Яснов 2020a — Яснов М. Д. Песни кошачьих лап. СПб.: Детское время, 2020.

Яснов 2020b — Яснов М. Д. Рас-пре-красно. М.: Книжный дом Анастасии Орловой, 2020.

Яснов 2020c — Михаил Яснов: «Самые важные изменения в поэзии — это изменения поэтического языка» / беседовала М. Аромштам // Папмамбук. 2020. 14 июля. URL: <https://www.papmambook.ru/articles/4325/>

Исследования

Барковская 201 — Барковская Н. В. Листёнок и снегопук: о новых стихах Михаила Яснова // Филологический класс. 2017. № 2(48). С. 87–91.

Бахтин 1986 — Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // М. М. Бахтин. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров. Изд. 2-е. М.: Искусство, 1986. С. 9–191.

Бердникова 2012 — Бердникова Т. Н. От риторики к пиитике: к проблеме развития диалога в поэзии эпохи классицизма (на материале лирики А. Кантемира, М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова) // Гуманитарный вектор. 2012. № 4 (32). С. 18–22.

Бройтман 1997 — Бройтман С. Н. Русская лирика XIX — начала XX века в свете исторической поэтики: субъектно-образная структура. М.: РГГУ, 1997.

Веселовский 1940 — Веселовский А. Н. Историческая поэтика / под ред. В. М. Жирмунского. Л.: Художественная литература, 1940.

Выготский 1986 — Выготский Л. С. Психология искусства. 3-е изд. М.: Искусство, 1986.

Гридина 2018 — Гридина Т. А. Ассоциативные проекции игрового слова в «детской поэзии» (на материале произведений Михаила Яснова) // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. СПб., 2018. № 189. С. 189–199.

Горбунов 2011 — Горбунов А. Н. «Вновь я посетил» — диалог трех поэтов (Кольридж, Вордсворт, Пушкин) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2011. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnov-ya-posetil-dialog-treh-poetov-kolridzh-vordsvort-pushkin>

Денисова 2019 — Денисова М. А. Взаимоотношения ребенка и взрослого в современной поэзии для детей // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2019. № 4. С. 13–17.

Колокольцева 2019 — Колокольцева Т. Н. Текстоброзирующий потенциал диалогичности и фигур диалогизма в лирических произведениях А. А. Вознесенского и Р. И. Рождественского // Экология языка и коммуникативная практика, 2019. № 4 (1). С. 70–82.

Силантьев 1999 — Силантьев И. В. Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике: Очерк историографии / отв.ред. Е. К. Ромодановская. Новосибирск: Издательство ИДМИ, 1999.

Томашевский 1925 — Томашевский Б. В. Теория литературы. Л.: Государственное издательство, 1925.

Ускова 2018 — Ускова Е. Ю. «Детская поэзия — игровое поле»: игра со смыслом и словом современных детских поэтов // Современная поэзия для детей и в детском чтении: сборник материалов областного семинара для специалистов муниципальных детских библиотек / ред. И. А. Знаменщикова. Волгоград: Волгоградская ОДБ, 2018. С. 65–78.

References

Barkovskaja 2017 — Barkovskaja, N. V. (2017). Listjonok i snegopuh: o novyh stihah Mihaila Jasnova [Listjonok i snegopuh: about new poems by Mikhail Yasnov]. Filologičeskij klass, 2(48), 87–91. 10.26170/fk17-02–14 (In Russ.)

Bahtin 1986 — Bahtin, M. M. (1986). Avtor i geroj v jestetičeskoj dejatel'nosti [Author and hero in aesthetic activity]. In S. G. Bocharov (Ed.), Jestetika slovesnogo tvorčestva [Aesthetics of verbal creativity] (2 ed.). (pp. 9–191). Moscow: Iskusstvo Publ. (In Russ.)

Berdnikova 2012 — Berdnikova, T. N. (2012). Ot ritoriki k piitike: k probleme razvitija dialoga v poezii jepohi klassicizma (na materiale liriki A. Kantemira, M. V. Lomonosova, A. P. Sumarokova) [From rhetoric to poetics: to the problem of the development of dialogue in the poetry of the era of classicism (poems by A. Kantemir, M. V. Lomonosov, A. P. Sumarokov)]. Gumanitarnyj vector, 4(32), 18–22. (In Russ.)

Brojtman 1997 — Brojtman, S. N. (1997). Russkaja lirika XIX — nachala XX veka v svete istoričeskoj pojetiki (sub'ektno-obraznaja struktura) [Russian lyric poetry of the 19th — early 20th century in the light of historical poetics (subject-figurative structure)]. Moscow: Russian State University for the Humanities Publ. (In Russ.)

Gridina 2018 — Gridina, T. A. (2018). Associativnye proekcii igrovogo slova v “detskoj poezii” (na materiale proizvedenij Mihaila Jasnova) [Associative projections of the play word in “children’s poetry” (based on the works of Mikhail Yasnov)] Izvestija: Herzen University Journal of Humanities & Sciences, 189, 189–199.

Gorbunov 2011 — Gorbunov, A. N. (2011). “Vnov’ ja posetil” — dialog treh pojetov (Kol’ridzh, Vordsvort, Pushkin) [“I visited again” — dialogue of three poets (Coleridge, Wordsworth, Pushkin)]. In Gosudarstvo, religija, cerkov’ v Rossii i za rubezhom. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnov-ya-posetil-dialog-treh-poetov-kolridzh-vordsvort-pushkin>

Denisova 2019 — Denisova, M. A. (2019). Vzaimootnoshenija rebenka i vzroslogo v sovremennoj poezii dlja detej [The relationship between a child and an adult in modern poetry for children] Vestnik of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism, Voronezh, 4, 15–17.

Kolokol’ceva 2019 — Kolokol’ceva, T. N. (2019). Tekstoobrazujushhij potencial dialogichnosti i figur dialogizma v liricheskikh proizvedenijah A. A. Voznesenskogo i R. I. Rozhdestvenskogo [The text-forming potential of dialogicity and figures of dialogism in the lyric works of A. A. Voznesensky and R. I. Rozhdestensky] Ecology of Language and Communicative Practice, 4(1), 70–82.

Silant’ev 1999 — Silant’ev, I. V. (1999). Teorija motiva v otechestvennom literaturovedenii i fol’kloristike: Oчерk istoriografii [Motive theory in Russian literary criticism and folklore: An essay on historiography]. Novosibirsk: IDMI Publ.

Tomashevskij 1925 — Tomashevskij, B. V. (1925). Teorija literatury [Literary theory]. Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel’stvo.

Uskova 2018 — Uskova, E. Ju. (2018). “Detskaja poezija — igrovoe pole”: igra so smyslom i slovom sovremennyh detskih pojetov [“Children’s poetry — a playing field”: playing with the meaning and word of modern children’s poets]. In I. A. Znamen’shhikova (Ed), Sovremennaja poezija dlja detej i v detskom chtenii: sbornik materialov oblastnogo seminarja dlja specialistov municipal’nyh detskih bibliotek [Contemporary poetry for children and in children’s reading: collection of materials of the regional seminar] (pp. 65–78). Volgograd: Oblastnaja detskaja biblioteka Publ.

Veselovskij 1940 — Veselovskij, A. N. (1940). Istoricheskaja pojetika [Historical poetics]. Moscow: Hudozhestvennaja literature Publ.

Vygotskij 1986 — Vygotskij, L. S. (1986). Psihologija iskusstva [Psychology of art]. (3 ed.). Moscow: Iskusstvo Publ.

Anastasiia Gubaidullina

Herzen State Pedagogical University of Russia;

ORCID: 0000-0003-2517-4333

THE PRINCIPLE OF DIALOGUE IN POEMS BY MIKHAIL YASNOV
FOR CHILDREN

The article focuses on Mikhail Yasnov's poetry that is addressed to children of different ages: from younger preschoolers to older schoolchildren. Yasnov's poetry is viewed as a corpus of texts united by several general principles: among them are the harmony of childhood and the child's trust in the world. Another unifying principle is a poetic dialogue, manifested at different levels of literary texts: from characters and imagery to metatextuality and the author's consciousness. Dialogue in this paper is understood as overcoming a single point of view, an attempt to go beyond the personal I motivated by the attention to the Other. Yasnov's poetry focuses on the search for similarities and differences between the phenomena of reality as it presents many voices and life positions. The concept of dialogue has great moral potential in children's poetry as it contributes to the formation of empathy and development of self-knowledge in children. The aesthetic value of dialogue lays in the enrichment of the thematic and figurative structure of the lyrics.

Keywords: Mikhail Yasnov, poetry for children, Russian poetry for children, poetic dialogue, metatextuality, intertextuality, animalism, family image